

О некоторых ошибках в переводе на азербайджанский язык романа Ф. М. Достоевского «Бесы»

Махрух Мазахим Тагиева, Бакинский славянский университет (Азербайджан, Баку),
mahrux_tagiyeva@live.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030075

АННОТАЦИЯ: В настоящей статье представлена попытка оценить качество перевода, установить отношения адекватности и эквивалентности между художественными текстами романа «Бесы» Ф. М. Достоевского на русском и азербайджанском языках. Произведение было написано и издано в 1870–1872 гг., но на азербайджанский язык было переведено только в 2011 г. При сравнительно-сопоставительном анализе оригинала и перевода мы сталкиваемся с некоторыми неточностями и искажениями исконного текста. Художественный текст Достоевского отличается полифонизмом, идейностью, галереей характеров, а также пространственно-временным единством, идиостилем и поэтикой, что важно соблюдать и в переводе на азербайджанский язык. Сопоставляя аналогичные части в исконном и переведенном текстах, автор статьи указывает на некоторые неточности при передаче имен числительных. Эти неточности при переводе приводят к уменьшению или усилению процесса действия романых событий, что в обоих случаях нежелательно. В статье также указывается на порой неверную транслитерацию собственных имен (особенно в ремарках), исторических фактов (в частности, название газеты), что может ввести читателя в заблуждение. Неадекватная передача личных местоимений, указывающих на пол действующих лиц, способствует алогичному восприятию романых

событий. Часть обнаруженных несоответствий автор статьи относит к техническим ошибкам и упущению переводчика, а часть — к редакторской невнимательности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: художественный перевод, переводческие ошибки, искажение фактической информации, перевод имен собственных, перевод единицы исчисления времени, перевод местоимений, Ф. М. Достоевский, «Бесы»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тагиева М. М. О некоторых ошибках в переводе на азербайджанский язык романа Ф. М. Достоевского «Бесы» // Русская речь. 2024. № 3. С. 79–88. DOI: 10.31857/S0131611724030075.

The Language of Fiction

On Some Errors in the Translation into Azerbaijani of Dostoevsky's Novel “Devils”

Mahrux M. Taghiyeva, Baku Slavic University (Azerbaijani, Baku), mahrux_taghiyeva@live.ru

ABSTRACT: This article presents an attempt to assess the quality of the translation, to establish relations of adequacy and equivalence between the literary texts of the novel “Devils” by F. M. Dostoevsky in Russian and Azerbaijani. The novel was written and published in 1870–1872, but was translated into Azerbaijani only in 2011. When conducting a comparative analysis of texts, we encounter some inaccuracies and distortions of the original text. The literary text of Dostoevsky is differentiated by its polyphonism, ideology, unique characters, as well as space-time unity, idiosyncrasy and poetics. It is important to observe the above-mentioned features of the original in translated texts. Comparing adequate parts in the original and translated texts, the author of the article points out some inaccuracies in the transmission of numerals. These inaccuracies in translation affect the intensity of novel's events, which is undesirable. The article also points out the cases

of incorrect transliteration of proper names (especially in stage directions), historical facts (in particular the name of the newspaper), which can mislead the reader. Inadequate rendering of personal pronouns, indicating the gender of the characters, contributes to an illogical perception of the events of the novel. The author of the article attributes some of the discovered inconsistencies to technical errors and omissions of the translator, and some to editorial inattention.

KEYWORDS: literary translation, translation errors, distortion of factual information, translation of proper names, time unit conversion, translation of pronouns, F. M. Dostoevsky, "Devils"

FOR CITATION: Taghiyeva M. M. On Some Errors in the Translation into Azerbaijani of Dostoevsky's Novel "Devils". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 79–88. DOI: 10.31857/S0131611724030075.

Художественный перевод как одно из средств межнационального общения объединяет носителей разных языков на национально-культурном и историко-этнографическом уровнях. «Искусство художественного перевода играет важную роль в сближении культур разноразличных народов и укреплении дружеских отношений» [Semedova 2016: 3]. Художественный перевод как разновидность письменного перевода служит развитию межнационального литературоведения. «Особенно плодотворной стороной литературных взаимоотношений выступает художественный перевод — ключ к мировой литературной сокровищнице» [Гулузаде 1999: 3].

Произведение Достоевского «Бесы» было переведено на азербайджанский язык ученым-исследователем Мамедом Коджаевым еще в 2011 г., однако об этом переводе написано всего несколько научно-исследовательских статей. Изучение и анализ новых переводов, выявление неточностей и упущений непосредственно повлияют на качество повторных переводов.

Сопоставительное изучение и анализ оригинальных и переведенных текстов также способствуют развитию компаративистики, литературных связей, служат для более полной и достоверной передачи идеи, образного мира, языка произведения, ставшего предметом перевода. Мы не ошибемся, если скажем, что «Бесы» — это «самое невезучее произведение» [Taghiyeva 2020: 5] Достоевского; «роман исследован слабее других» [Карякин 1981: 73]. Еще Г. Н. Пospelов отмечал, что «надолго,

отчасти и вплоть до нашего времени, “Бесы” сохранил за собой очень дурную репутацию пасквиля на революционное движение. Но следовало бы пересмотреть такую категорическую оценку романа» [Поспелов 1971: 37]. Интересно и мнение самого переводчика: «Роман “Бесы” — один из сильных в художественном отношении и сложных и противоречивых со стороны идейного содержания произведений писателя» [Коджаев 2007: 2].

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы, сравнивая исходный и переведенный тексты по предложениям, выявить переводческие упущения и ошибки. В тексте «Бесов» на азербайджанском языке очень важны и интересны вопросы единства времени и пространства и передача собственных имен героев без искажения. Эти не столь важные, на первый взгляд, случаи при неправильной трактовке и переводе приводят к недопониманию содержания исходного текста и отдалению от него.

Язык Достоевского отличается своеобразием и многогранностью. «Слово Достоевского — всегда живое слово» [Захаров 1979: 27]. Каждое выражение, каждое слово, даже каждый суффикс в тексте писателя несут в себе смысловую нагрузку, подчеркивают какую-то особенность того или иного предмета и явления. «В его произведениях нет ничего случайного, даже незначительные, на первый взгляд, детали у него глубоко оправданы» [Белов 1979: 28]. Сохранение формы и содержания произведения, логической последовательности сменяющих друг друга событий внутри романа относятся к числу факторов, непосредственно влияющих на единство времени и пространства романа. «Язык временных обозначений используется Достоевским метафорически для описания духовных исканий героев; довольно четко дифференцируемые в художественном мире писателя, временные обозначения становятся характерным для него средством выражения философских и психологических смыслов» [Галышева 2008: 18]. На первый взгляд может показаться, что тот промежуток времени, в котором происходит определенное событие, можно передать с точностью без особого труда. Здесь речь идет о переводе количественных числительных, о передаче таких единиц исчисления времени, как месяц, неделя и т. д. Сравнивая с этой точки зрения соответствующие отрывки из текстов оригинала и перевода, содержащие определенную когнитивную информацию, мы обнаружили некоторые неточности.

В начале произведения речь идет о Шатове, об исключении его из университета, об обучении им детей в купеческом доме, где он познакомился со своей будущей женой Марией, и об их поездке за границу вместе с купеческой семьей. Из-за гордого и свободолюбивого характера гувернантки (Марии) хозяин через некоторое время увольняет ее. В тексте Достоевского читаем: «Месяца через два купец ее выгнал» [Достоевский

1974: 27]. Найдем единицу исчисления времени в переведенном тексте: «iki həftədən sonra» [Dostoyevsky 2011: 40], т. е. через две недели. Из вышеприведенных примеров становится ясно, что временной промежуток («месяца через два») в переведенном тексте сокращается в разы («через две недели»).

Однако Шатов и Мария как быстро поженились, так и быстро расстались. В исходном тексте читаем: «Прожили они вдвоем недели с три» [Достоевский 1974: 27]. Рассмотрим достоверность этого промежутка времени в переводе: «iki həftəyə yaxın» [Dostoyevsky 2011: 40] (около двух недель). Из сравнений видно, что в переведенном тексте купец выгнал Марию из своего дома не через два месяца, а через две недели, и прожили они с Шатовым вместе почти не две, а три недели. В данном случае переводчик допускает искажение фактической информации, что недопустимо согласно современным нормам перевода.

Скитаясь по Европе, Шатов зарабатывал на жизнь чисткой обуви на улице, был носильщиком в каком-то порту, наконец, вернулся в родные края к своей старой тетке и вскоре после этого (месяц спустя) похоронил ее: «Поселился со старухой теткой, которую и схоронил через месяц» [Достоевский 1974: 27]. В переведенном тексте этот промежуток времени продлился до двух месяцев: «iki aydan sonra» [Dostoyevsky 2011: 40]. Такие упущения нежелательны, нужно отметить их как отклонение от текста оригинала и искажение фактической информации. Однако здесь наряду с упущением переводчика присутствует и невнимательность редактора. Следует помнить, что «переводчик и редактор несут такую же ответственность за каждое предложение, как и автор» [Semedova 2016: 3].

При переводе важно адекватно передать поведение героев, их поступки. В ходе исследования были выявлены некоторые детали, которые не сходятся в исходном и переведенном текстах. Например, в случае со Ставрогиным. Он вернулся в свой особняк из столичного Петербурга по настоянию матери. Этот двадцатипятилетний юноша на виду у светского общества совершает дерзкие и аморальные поступки, и ему абсолютно не стыдно: «Наш принц вдруг, ни с того ни с сего, сделал две-три невозможные дерзости разным лицам» [Достоевский 1974: 38]. В этом случае переводчик умалывает подлое поведение Ставрогина: «...две-три невозможные дерзости» заменяет на «одну-две невообразимые грубости» («bir-iki ağlasığmaz gobudluq» [Dostoyevsky 2011: 54]). Когда Павел Павлович Гаганов в очередной раз произнес свою часто повторяемую фразу «Меня не проведут за нос!» [Достоевский 1974: 38], Ставрогин на глазах у всех сильно схватил его за нос двумя пальцами и протаскил его два-три шага, потом торопливо, небрежно извиняясь, ушел. В оригинале читаем: «...успел протянуть за собой по залу два-три шага» [Достоевский 1974: 39].

Числительное переводится как «bir neçə» [Dostoyevsky 2011: 54]. Написав вместо «два-три шага» «несколько шагов», переводчик тем самым смягчает созданный Достоевским крайне жестокий и легкомысленный характер Ставрогина.

Есть и другие примеры неверного обозначения временных отрезков. В оригинале читаем: «Я [Юлия Михайловна — М. Т.] просидела два часа пред этою картиной и ушла разочарованная» [Достоевский 1974: 235]. В переведенном тексте временная единица увеличилась на один час: «üç saat» [Dostoyevsky 2011: 301], т. е. три часа. Предложение «Я [Степан Трофимович — М. Т.] двинулся с двадцатипятилетнего места» [Достоевский 1974: 353] передано как «Mən iyirmi illik yerimdən tərpəndim» [Dostoyevsky 2011: 453] («Я двинулся с двадцатилетнего места»). Имеет ли смысл увеличивать время на час или сокращать его на пять лет? Вышеупомянутые отклонения от текста оригинала являются нежелательными.

При чтении, анализе и исследовании художественного произведения мы сталкиваемся с ремарками, которые уточняют те или иные моменты текста, определяют говорящего, дополняют его речь собственным мнением автора и т. д. Ремарки также выражают непосредственное отношение автора к изображаемому или дополняют сюжетную линию произведения. С другой стороны, в диалогической речи писатель обращается к ремаркам, чтобы прямо показать, кому принадлежат те или иные слова.

Анализируя перевод романа «Бесы», мы заметили, что в некоторых ремарках имена героев не соответствуют оригиналу. Например, в беседе Петра Верховенского с новоназначенным губернатором Андреем Антоновичем фон Лембке о Кириллове, Шатове, Ставрогине мы находим ремарку «...брякнул вдруг Петр Степанович» [Достоевский 1974: 181]. В переводе вместо Петра Степановича оказывается Степан Трофимович: «Stepan Trofimoviç birdən dedi» [Dostoyevsky 2011: 232–233]. Если это так, то читатель недоумевает: когда Степан Трофимович вступил в диалог? С другой стороны, переводчик почему-то пренебрегает значением слова «брякнул», оно переводится нейтральным «сказал вдруг».

В другом примере неверно передано отчество героя. В исходном тексте читаем: «Удивила меня тоже уж слишком необыкновенная невежливость тона Петра Степановича» [Достоевский 1974: 379]. В переводе — «Məni Pyotr Trofimoviçin qeyri-adi nəzakətsiz tonu da təəccübləndirdi» [Dostoyevsky 2011: 485] («Меня удивил и необыкновенный, невежливый тон Петра Степановича»). Помимо неверного преобразования имен собственных, интенсификатор привычки «тоже» не используется на месте, «меня тоже» следует переводить как «məni də». В переводе логическое ударение падает на слово «тоже», а не на слово «меня», что является отклонением от исходного текста.

В предложении «Ну, я так и знал, что нарвусь, — пробормотал опять Верховенский» [Достоевский 1974: 313] — «...Virginski yenə də donquldandı» [Dostoyevsky 2011: 401] фамилия Верховенский при переводе заменена на Виргинский. Правда, наряду с Шигалевым, Липутиным и Лямшиным в этом разговоре участвует и Виргинская, но вышеприведенная мысль принадлежит Верховенскому.

В азербайджанском языке, в отличие от русского языка, не существует категории рода имени существительного. Достоевский использует личные местоимения в тексте романа во избежание повторов имен героев. В переведенном тексте в нескольких местах местоимение мужского рода ошибочно переводится как существительное женского рода, а иногда и наоборот. Так, предложение «Болезненное впечатление отразилось в его лице» [Достоевский 1974: 399] было переведено как: «Lizanın sifətində ağrılı bir təəssürat əks olundu» [Dostoyevsky 2011: 512]. Удивительно, что местоимение «его», указывающее на мужской род, переводится собственным именем женщины (Лизы). Цитата взята из разговора Ставрогина и Лизы и относится к сцене, где Лиза отвергает предложение Ставрогина уйти вместе с ним, а точнее издевается над ним. Болезненный вид отражается в лице отвергнутого Николая, а не в лице Лизы, которая насмехается над ним.

Аналогичный пример находим в описании отношений Шатова и Марьи: «Каждый день в эти три года он мечтал о ней, о дорогом существе, когда-то ему сказавшем: “люблю»» [Достоевский 1974: 434]. Ср.: «“sevirəm” dediyl bu əziz məxluqu arzulamışdı» [Dostoyevsky 2011: 559]. Из исходного текста можно сделать вывод, что Марья говорила Шатову «люблю», а из переведенного текста — что, наоборот, Шатов — Марье.

Марья Лебядкина — одна из героинь романа, отличающаяся мечтательностью. У нее свой мир, и она очень счастлива в этом мире грез: здесь она со Ставрогиным, «своим соколом», и с собственным малышом. Когда кто-то извне зовет ее, Марья возвращается в реальный мир и разговаривает с этим человеком. В остальное время, что бы ни говорили вокруг нее, она ничего не слышит, ни на что не реагирует. В произведении Шатов громко разговаривает с Марьей, привлекая ее внимание к диалогу: «Я громко говорю; тех, которые не с нею говорят, она тотчас же перестает слушать» [Достоевский 1974: 115]. Обратим внимание на это предложение в переведенном тексте: «Mən ucadan danışiram... onunla belə danışmayanda, o qulaq asmir» [Dostoyevsky 2011: 151] («Я громко говорю... если говорить с нею не так, она не слушает»). Из перевода можно заключить, что каждый должен говорить с Марией громко, иначе она не будет никого слушать. На самом деле Марья не слушала тех, кто не разговаривал с ней, громко или тихо — это не имело особого значения.

Если сравнить исходный текст романа «Бесы» с переводом, то можно увидеть, что в переводе отрицательные частицы иногда упускаются из виду, и поэтому мысль, выраженная в отрицательном значении, звучит утвердительно. Например, Ставрогин признается Лизе: «Я знал, что я не люблю тебя, и погубил тебя» [Достоевский 1974: 401]. Предложение переведено так: «*Bilirdim ki, səni sevirəm və səni məhv etdim*» [Dostoyevsky 2011: 516] («Я знал, что я люблю тебя, и погубил тебя»). Или: «Визит продолжался недолго» [Достоевский 1974: 295] переводится как: «*Görüş uzun çəkdi*» [Dostoyevsky 2011: 378] («Визит продолжался долго»).

Смещение знаков препинания при переводе также может привести к отклонению от текста оригинала: «Ты не вертись! — крикнул он студентке, которая порывалась со стула. — Нет, я тоже слова прошу, я обижен-с» [Достоевский 1974: 306]. На азербайджанском языке — «Нет, я тоже слова прошу, я обижен-с» [Dostoyevsky 2011: 393] дано с абзаца. Таким образом, целостная речь майора при переводе была разделена на две части, в результате чего создается впечатление, что это речь майора и студентки, т. е. монологическая речь передана как диалогическая.

Собственные имена, используемые в оригинале, в том числе топонимы, названия газет и журналов и т. д., при переводе должны оставаться неизменными. В оригинале читаем: «Чрез его руки, в молодости, прошли целые склады “Колокола” и прокламации» [Достоевский 1974: 303]. Очевидно, вследствие опечатки название газеты в переведенном тексте выглядит как «*Kolovkol*» [Dostoyevsky 2011: 389], где не должно быть буквы «v». «Недопустимо преподносить читателю искаженные факты по небрежности и некомпетентности» [Semedova 2016: 113], — пишет исследовательница Л. Самедова.

Таким образом, в ходе сравнения оригинального и переведенного текстов романа «Бесы» нами были обнаружены определенные несоответствия, недочеты и технические ошибки, которые можно легко устранить при следующих изданиях. Неверная транслитерация собственных имен, искажение фактического материала и обозначений времени считаются недопустимыми в переводимых текстах. Некоторая невнимательность переводчика привела к лексико-грамматической трансформации, в результате чего отрицание превратилось в утверждение. Однако выявление ошибок такого рода — работа редактора.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что непосредственное обращение к творчеству Ф. М. Достоевского и такому сложному произведению, как «Бесы», требует от переводчика, в первую очередь, смелости и трудолюбия. Являясь исследователем творчества Достоевского и владея билингвальными знаниями, профессор М. К. Коджаев внес неоспоримый вклад в азербайджанское литературоведение и переводоведение. Переводчику

удалось сохранить содержание, художественность, композицию, систему образов, а главное — личный стиль автора. И заслуга переводчика в том, что благодаря ему Достоевский заговорил на азербайджанском языке, тем самым открыв очередную страницу ставших традицией русско-азербайджанских литературных связей.

Источники

Достоевский Ф. М. Бесы / Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 520 с.

Dostoyevski F. M. Şeytanlar. Seçilmiş əsərləri üç cildə. Т. 3. Баку: Шерг-Герб, 2011. 704 с.

Литература

Белов С. В. Почему братьев Карамазовых было трое? // Русская речь. 1979. № 4. С. 28–33.

Галышева М. П. Момент и миг у Достоевского // Русская речь. 2008. № 5. С. 15–18.

Гулузаде Я. М. Художественный перевод и литературные связи. Баку: Мутарджим, 1999. 148 с.

Евнин Ф. И. Роман «Бесы» // Творчество Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 215–264.

Захаров В. Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.

Карякин Ю. Ф. Зачем хроникер в «Бесах»? // Литературное обозрение. 1981. № 4. С. 72–84.

Коджаев М. М. Характеры и идеи Ф. М. Достоевского. Баку: Мутарджим, 2007. 464 с.

Поспелов Г. Н. Творчество Ф. М. Достоевского. М.: Знание, 1971. 64 с.

Səmədova L. H. Tərcümə mətninin redaktəsi. Baku: Sabax, 2016. 124 с.

Та́гиева М. М. Fyodor Dostoyevski Azərbaycan dilində. Baku: Мутарджим, 2020. 224 с.

References

Belov S. V. [Why were there three Karamazov brothers?]. *Russkaya rech'*, 1979, no. 4, pp. 28–33. (In Russ.)

Evnin F. I. [Novel "The Devils"]. *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo* [Dostoevsky's works]. Moscow, 1959, pp. 215–264. (In Russ.)

Galysheva M. P. [Moment and instant in Dostoevsky]. *Russkaya rech'*, 2008, no. 5, pp. 15–18. (In Russ.)

- Guluzade Ya. M. *Khudozhestvennyi perevod i literaturnye svyazi* [Literary translation and literary connections]. Baku, Mutardzhim Publ., 1999. 148 p.
- Karyakin Yu. F. [Why is there a chronicler in “The Devils”]. *Literaturnoe obozrenie*, 1981, no. 4, pp. 72 –84. (In Russ.)
- Kodjayev M. K. *Kharaktery i idei F. M. Dostoevskogo* [F. M. Dostoevsky's characters and ideas]. Baku, Mutardzhim Publ., 2007. 464 p.
- Pospelov G. N. *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo* [Dostoevsky's works]. Moscow, Znanie Publ., 1971. 64 p.
- Semedova L. H. *Tərcümə mətninin redaktəsi* [Editing the translated text]. Baku, Sabax Publ., 2016. 124 p.
- Taghiyeva M. M. *Fyodor Dostoyevski Azərbaycan dilində* [Fyodor Dostoevsky in Azerbaijani language]. Baku, Mutardzhim Publ., 2020. 224 p.
- Zakharov V. N. [Word and italics in “Crime and Punishment”]. *Russkaya rech'*, 1979, no. 4, pp. 21–27. (In Russ.)